

В 1964 году вся наша страна, все прогрессивные силы мира отмечали историческое событие - XX годовщину снятия блокады немецко-фашистскими войсками города Ленина. Партийная и профсоюзная организации и сотрудники Ленинградского Отделения Института Народов Азии АН СССР на личные средства изготовили мемориальную доску, посвященную светлой памяти сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда.

Готовясь к знаменательной дате 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, партийное бюро ЛО ИНА приняло в 1965 году решение: в дополнение к мемориальной доске составить "Памятную книгу" и привлечь к участию в её составлении сотрудников Отделения и других учреждений, знавших погибших ученых.

На этот призыв партийной организации горячо откликнулись коллеги, работавшие вместе с теми, чьи имена золотом высечены на мемориальной доске, а также и молодые ученые. Так возникла эта книга, рассказывающая о людях, их труде, мужественном поведении в тяжелые годы войны и достойно выполненном ими долге.

Ф Л У Г
К О Н С Т А Н Т И Н К О Н С Т А Н Т И Н О В И Ч

В тяжелый 1941 год, в Ленинграде, осажденном фашистскими ордами Гитлера, в невероятных физических лишениях, страдая от голода и холода, но не покидая своего поста в Рукописном отделе Института Востоковедения Академии наук СССР, скончался старший научный сотрудник Китайского кабинета Константин Константинович Флуг. Ему было всего лишь сорок восемь лет.

В каталоге Библиотеки Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР представлено одиннадцать печатных работ, в Рукописном отделе и в Архиве востоковедов названного Института хранятся рукописи и картотеки покойного, свидетельствующие об его исключительной научной продуктивности. Константин Константинович был большим ценителем камерной и симфонической музыки, причем сам музицировал, играя на виолончели в семейном кругу, где среди его родных и знакомых были пианисты и скрипачи. Любил он также и вокальное искусство, сам обладая приятным баритоном. Но больше всего любил Константин Константинович свою специальность и подолгу занимался живописными формами китайской классической каллиграфии. Га

Академик Алексеев в своем отзыве о К.К. Флуге писал, что он (Флуг) "кандидат (без защиты диссертации) синолог с исключительным владением источниками и языками без ограничений, главные работы которого относятся к истории китайской книги — теме, доселе у нас не представленной — и имеют абсолютную научную ценность, достаточно отмеченную в печати".

Заклучая этот отзыв, академик Алексеев писал далее:

"Имея все данные и все ресурсы для докторской диссертации К.К. Флуг, - В.К. /не выступает с нею, очевидно, вследствие своей, переходящей в болезненность, застенчивости и скромности". Именно таким скромным и застенчивым я представляю себе Константина Константиновича, с которым встретился в 1925 году, на юбилейных торжествах Академии наук в Ленинграде. До этого я смутно припоминаю его студентом факультета восточных языков С.-Петербургского университета, когда отец мой бывало приезжал в отпуск со всей своей семьей из Китая, где он служил на консульской службе.

В своей автобиографии К.К. писал, что в 1914 году он принял предложение поехать в качестве домашнего учителя к сыну русского консула в Китае. Этим консулом был именно мой отец, С.А. Колоколов, а учеником Константина Константиновича оказался мой младший брат Г.С. Колоколов.

По приезде в Китай К.К. получил все возможности для изучения китайского языка и письменности.

Проведенные три года в Китае открыли возможность К.К. Флугу стать китаеведом, но надо было еще преодолеть серьезный барьер всех формальностей, для того, чтобы поступить сотрудником Азиатского музея. Являясь жимиком по опыту работы, К.К. должен был представить диплом о получении востоковедного образования, что он и сделал, поступив в Практическую восточную Академию слушателем на вечернее отделение, а днем работая в Ленинградской Публичной Библиотеке научным сотрудником.

В октябре 1925 года К.К. Флуг был зачислен в штат Азиатского Музея. К этому времени К.К. уже имел диплом китаеведа.

Прошло девять лет и Дирекция Института Востоковедения обратилась с ходатайством в Правление Академии наук СССР о переводе К.К. Флуга с 1 января 1934 года в научные сотрудники первого разряда, "учитывая хорошее качество его работы и наличие научных работ".

Перед Константином Константиновичем открылось широкое поле научной деятельности, и он принялся работать со всей энергией. В Рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР под шифром К-13 можно увидеть следующие материалы:

1. Картотека 307 свитков из Дуньхуанского фонда - топографическая и систематическая. Всего 783 карточки, заполненные рукою Флуга.
2. Инвентарь китайских рукописей (194 стр), содержащий 2355 обработанных номеров.
3. Картотека эстампажей из коллекции академика В.М. Алексеева, служащая незаменимым подспорьем для лиц, интересующихся китайской текстологией по части классической конфуцианской литературы (77 карточек).

Особенный интерес представляет обширная монография, изданная посмертно в 1959 году: "История китайской печатной книги Сунской эпохи X-XIII вв."

Президиум Академии наук СССР 10 декабря 1940 г. присвоил ученое звание старшего научного сотрудника К.К. Флугу.

Ровно через год после этого решения Константина Константиновича Флуга не стало. Он погиб во время блокады города. Ленинград был к этому времени в напряжении всех сил, чтобы выдержать и выстоять перед натиском озверевших фашистских захватчиков. Он и выстоял ценой огромных жертв, среди которых оказался Константин Константинович Флуг.

Память о нем будет всегда жива среди советских китаеведов всех последующих поколений.

В.С. Колоколов

Китаист

Константин Константинович ФЛУГ

Покойный, мой ученик, товарищ и друг, был тип культурно подготовленного китаиста, для которого одоление китайского языка не представляло трудностей, ибо он, как редко какой китаист, понимал китайский язык, как условный комплекс, а не как какой-то особо трудный "предмет". Его студенческие годы - любимое мое воспоминание; в аудитории сидел скромный студент, редко дававший реплики, но несомненно полно реагировавший на происходящее. Это был, при всей своей скромной видимости и внешности, необыкновенно деятельный, самостоятельный китаист, приведший себя в непосредственную связь с западной наукой уже в студенческие годы и выработавший в себе умение ставить и решать трудные вопросы.

Ему принадлежат наилучшие на русском языке статьи о древней китайской культуре и, особенно, о культуре книжной, причем в области научной /а не информационной/ библиографии он был среди нас единственным. Его статьи отличались точностью, необычайным обилием привлеченного к исследованию материала, крайней осторожностью, и вместе с тем, определенной ясностью и твердостью выводов. На статьях этого прекрасного ученого должны учиться все наши будущие китаисты: в них нет никаких научных пороков, незрелости, плохих переводов, опасных сравнений, личных выпадов и прочего. Феноменальная скромность его не позволила ему, несмотря на мои настояния, представить свои разыскания на докторскую диссертацию, которая, несомненно, была бы увенчана степенью *cum eximia lande*.

Как составитель китайско-русского словаря, К.К. был исключительно добросовестным сотрудником, вносящим в наше дело научности больше, чем прочие. Его страницы полны драгоценных наблюдений, тонких определений исследователя, превосходных изобразительных переводов, безукоризненной, редчайшей добросовестности.

Этот человек жил наукой всегда и везде. Отшельник, почти не знавший мира, живущего за его книгой, он был сложнее, как научная формация, чем человек общества. Но счастлив был тот, кто, как я, удосужился наблюдать его и подсмотреть стыдливо скрываемые от всех стороны. Характера твердого, определенного, решительного, применившего к науке и отдавшего ей все лучшее, что было в жизни этого изможденного, но сильного и замечательного человека.

Академик
Боровое
18/У-1942г.

/В.Алексеев/